

ЭЛИТНЫЕ ПАРНИ
ОКМАУНТА

Дуқарқа

ДЖ. А. БЕК

Дж. Л. Бек

Дикарка

Серия «Freedom. Элитные парни
Окмаунта. Темные романы Дж. Л. Бек»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74642111
ISBN 978-5-04-252157-7

Аннотация

Дрю Маршалл – само воплощение кошмара.

Безумный. Одержимый. Порочный.

После того как он разбил мне сердце и публично унизил, я поклялась забыть о его существовании. Но у Дрю другие планы. Он намерен сделать все, чтобы у меня ничего не получилось!

Единственный, к кому я могу обратиться за помощью, – человек, которого я считала своим врагом: лучший друг Дрю – Себастиан, парень, утверждающий, что является моим братом.

Он пообещал мне безопасность и покровительство, но никто не способен защитить меня от Дрю.

Чем быстрее я убегаю, тем настойчивее он гонится за мной.

Чем сильнее борюсь, тем крепче становится его хватка.

Мой враг. Мой преследователь. Мой злодей.

Говорят, что правда освобождает, но в нашем случае все оказалось совсем иначе. Она заперла нас в клетке и выбросила ключ.

Содержание

Предисловие	7
Предупреждение о содержании	8
Пролог. Бел	9
1. Дрю	31
2. Бел	48
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Дж. Л. Бек

Дикарка

JL Beck

THE WILDFLOWER

Copyright 2024 JL Beck

Cover design by Cover Couture.

Художественное оформление К. Оскаровой и А. Кашилева

© Руденкова О., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Посвящается моему мужу, который, несмотря ни на что, умудряется держать оборону за всю нашу семью, в то время как я нахожусь в плену своих историй.

Он неизменно мирится с тем, что ВСЕГДА есть еще одна глава, которую срочно нужно написать, принимает тот факт, что ему приходится разделять меня со всеми голосами в моей голове, и любит невзирая на все то безумие, которое исходит

из меня. Эта книга для него.

Предисловие

Спасибо, что решили продолжить знакомство с историей Дрю и Мэйбел. Это вторая часть, и ее необходимо читать **ТОЛЬКО** после «Тихони». Если вам попалась в руки эта часть, пожалуйста, возьмите первую книгу и начните с нее. В противном случае вы ничего не поймете. Далее представлен перечень триггеров, которые могут содержать спойлеры. Если для вас есть запрещенные темы, я советую вам прочитать этот список и сделать взвешенный выбор, прежде чем продолжить чтение. Если же никакие из этих тропов не являются для вас проблемой, то читайте с удовольствием.

Прошу вас, не забывайте, что про таких мужчин, как Дрю, приятно читать лишь в вымышленных историях, но с ними не стоит иметь дело в реальной жизни. Если вы подвергаетесь домашнему насилию (физическому или психологическому), пожалуйста, знайте, что у вас всегда есть выбор и вы не одиноки.

Предупреждение о содержании

Насилие (как физическое, так и психологическое), первобытный фетиш, игры с кровью, жестокость, преследование, сцены секса, убийство, усыновление, проблемы душевного здоровья, разговоры на тему инцеста, смерть, скорбь, секс с неоднозначным согласием и без согласия, домашнее насилие, жестокое обращение с детьми, рак, травля, самоповреждающее поведение, измена, издевки, незащищенный секс, самоубийство, насилие с применением оружия, похищение, изнасилование, отравление, нищета, шантаж, принудительное удовольствие, эротическая асфиксия, клеймение (в т. ч. укусы, царапины и пр.).

Пролог. Бел

Сирень. Ее аромат щекочет ноздри, окутывая меня комфортом.

Запах маминых духов окружал меня всякий раз, когда в детстве я сворачивалась калачиком у нее под боком и прижималась к ней под одеялом, пока она читала мне книгу.

Я еще сильнее проникаюсь теплом маминого тела, обещая себе никогда больше не покидать ее, раз уж она здесь, каким бы мимолетным ни казалось это ощущение. Прижимаюсь крепче, чувствуя, как воспоминания уносятся прочь, словно листья, подхваченные ветром. Я сохраню ее образ в своем сердце навсегда. Но я знаю, что стоит мне открыть глаза, и реальность обрушится на меня, разрушая эту хрупкую иллюзию покоя.

– Мэйбел?

Этот глубокий, мрачный голос должен был меня напугать, вот только я по какой-то причине не боюсь его. Собственное имя эхом отдается в глубинах моего сознания, но я не обращаю внимания на этот маячок, ускользая обратно в безмятежность.

– Мэйбел? Очнись! – снова зовет меня голос, и на этот раз он звучит более требовательно.

Меня охватывает волнение, но я быстро успокаиваюсь, ведь что-то в этом голосе кажется мне знакомым. Подсозна-

ние подсказывает мне, что его обладатель не причинит мне вреда.

Я пытаюсь удержать ускользающие фрагменты сна, но они рассеиваются, словно дымка. Запах сирени, тепло маминых рук, ее тихое сердцебиение под моим ухом... все это утекает сквозь пальцы, подобно времени, отсчитанному песочными часами.

Мои веки словно налиты свинцом. Я с трудом разлепляю их и тут же закрываю обратно, издав тихий стон. Череп пронзает острая пульсирующая боль, словно его проткнули карандашом, и устремляется к зрачку.

– Мэйбел?

Надо мной движется чья-то тень, заслоняя свет. И я, наконец, узнаю, кому принадлежит голос.

Себастиан.

На меня моментально обрушивается целый ворох проблем, и я не имею ни малейшего представления, как их решить.

– Свет, – бормочу я хриплым голосом. – У меня раскалывается голова.

Яркий свет за веками тускнеет, а с лица словно снимают пятикилограммовую гирю.

– Спасибо.

Я морщусь, снова открывая глаза. Мне требуется мгновение, чтобы сориентироваться в пространстве, и, как только это происходит, я с удивлением замечаю его растрепанный

вид: Себастиан снял пиджак от смокинга, а его галстук-бабочка свободно болтается на шее. Однако, кажется, его это совершенно не заботит.

Когда наши взгляды встречаются, он расслабляется и опускает плечи.

– Хорошо, что ты пришла в себя.

Да, вот только какая-то часть меня не хочет этого – не сейчас, когда события, произошедшие ранее, вновь нахлынули на меня, как ночной кошмар, который не желает заканчиваться.

Себастиан.

Дрю.

Мама.

Черт.

Под давлением навалившихся на меня воспоминаний я начинаю задыхаться, и мне хочется спрятаться под одеялом, чтобы убежать от реальности. Но Себастиан, похоже, не разделяет моего стремления и крепко сжимает мое запястье, остановив.

– Никаких резких движений. У тебя сотрясение мозга после падения. Кроме того, врачу пришлось наложить несколько швов, чтобы зашить рану на твоей голове.

Я пытаюсь вырвать руку, чтобы самой убедиться, но его крепкая хватка не дает мне сделать этого.

– Отпусти меня.

Его губы складываются в прямую линию, и он медленно

ослабляет хватку, а потом отстраняется. Как и Дрю, Себастиан отлично умеет создавать иллюзию. Несмотря на то что черты его лица выражают спокойствие, язык тела говорит об обратном. Его поза напряжена, словно он готов в любой момент броситься и схватить меня, если я дернусь не в ту сторону.

– Как твоя голова?

Я слегка склоняю шею, но это простое движение причиняет боль, поэтому я застываю как статуя.

– Болит. Как и все тело.

Себастиан вздыхает и нервно проводит ладонями по бедрам, словно пытаюсь успокоиться и собраться с мыслями.

– Наверное, из-за того, что ты потеряла сознание. Я попытался подхватить тебя, насколько это было возможно. А еще из-за адреналина – иногда после игры, даже без физических повреждений, я чувствую себя совершенно измотанным, а все мои мышцы застывают в напряжении.

Я не отвечаю ему, окинув взглядом огромную больничную палату. Все вокруг бежевое и белое, стерильное и чистое. Простыни под пальцами мягкие, а писк аппаратов рядом с кроватью звучит приглушенно. Это полная противоположность всем тем больничным палатам, в которых я бывала, когда навещала маму: с колючими одеялами, стенами желтого цвета, непрерывно пищущими аппаратами и недостаточным количеством персонала, чтобы справиться с наплывом пациентов.

Да подобное место обойдется дороже, чем мое высшее образование, а может, и того больше! Не знаю, как долго я здесь нахожусь, но понимаю, что уже злоупотребила гостеприимством.

– Мне нужно уходить отсюда. Я не могу себе этого позволить.

Я не смотрю на Себастиана, пока говорю это. Меньше всего мне хочется увидеть отвращение или жалость на его лице. Несмотря на все пережитое и мое нынешнее состояние, я не желаю поступаться своим достоинством.

Удостоверившись в том, что я не собираюсь вскакивать и выбегать из комнаты, он опускается в мягкое кресло рядом с кроватью.

– Не беспокойся о стоимости. Тебя должно волновать только твое здоровье.

Я приподнимаюсь и прижимаюсь к спинке кровати, пытаюсь не вздрагивать от боли, а после бросаю на него многозначительный взгляд.

– Только тот, для кого деньги не являются проблемой, может говорить, что они не имеют значения.

В его глазах мелькает темная искра, напомнившая мне о том моменте, когда я впервые увидела Себастиана на Охоте. Он может казаться добрым и вежливым, однако всем известно, что это лишь маска, за которой таится зверь, готовый вырваться наружу.

– Я сказал, что ты можешь не беспокоиться об этом, так

что так и сделай, черт возьми. Все под контролем. Ты больше не одна, Бел.

У меня до боли сводит челюсть, когда я стискиваю зубы и прищуриваю глаза от негодования. Я хочу, чтобы Себастиан увидел мой гнев и страдание. Хочу, чтобы он понял, каково это, когда из твоей груди вырывают все еще бьющееся сердце.

– Я не одна. У меня есть моя...

Всхлип вырывается из горла, и горечь от собственных слов терзает меня, как незаживающая рана, которая не прекращает кровоточить.

Я снова крепко сжимаю челюсть и поднимаю взгляд к потолку, смаргивая слезы.

– У меня есть моя мама. Да, может, я и нищая, но я никогда не была одинока. Мое богатство – это любовь. Она бесценна.

На некоторое время воцаряется тишина, и спустя несколько секунд я решаюсь взглянуть на него, невзирая на слезы, льющиеся по щекам.

Себастиан хмурит брови и отстраненно смотрит на стену перед собой, а меня с новой силой охватывает горе.

Мамы больше нет. Она покинула меня. Навсегда.

Но я не единственная, кто потерял ее.

Вот дерьмо.

В мире, полном мерзких богатеньких ублюдков, Себастиан – последний человек, к которому я должна испытывать

хоть каплю сочувствия, но я ничего не могу с собой поделать. Мы оба потеряли маму. И неважно, что он знал о ней гораздо меньше, чем я, и ему не приходилось иметь дело с бесконечными посещениями больниц и тяготами лечения. Мама никогда не читала ему на ночь и не пела колыбельные. Он был обделен этими моментами, и все же, она ушла и из его жизни. У меня остались хотя бы воспоминания, а у него не было даже их.

Я вытираю слезы со щек, отчего катетер капельницы в моей руке натягивается, и игла жалит кожу. Боль помогает мне вернуться в настоящее.

– Если ты не против, я бы хотела убраться отсюда. Сомневаюсь, что пребывание в больнице так уж необходимо для восстановления после сотрясения мозга.

– Может, и так, но я не был уверен в твоём душевном состоянии, когда ты очнешься. Даже без учета сотрясения, если бы у тебя произошёл нервный срыв, успокоительные препараты были бы моим единственным средством помочь тебе. Доктор рекомендовал, чтобы в ближайшие пару дней кто-то находился рядом с тобой для наблюдения за твоим состоянием.

Прекрасно... очередное напоминание о том, что у меня теперь нет мамы, и я осталась совершенно одна.

Я ничего не знаю об этом парне – моем так называемом брате. Только то, что он придурок и один из никчемных дружков Дрю, что вызывает у меня досаду и тревогу. Я ду-

мала, что могу доверять Дрю, и вот к чему это привело.

Нащупав среди простыней кнопку вызова медсестры, я сосредоточенно жму на нее. Но от этого усилия у меня перехватывает дыхание, и я в изнеможении падаю на матрас, на мгновение потеряв четкость зрения.

В палату входит медсестра с темными косами, уложенными на макушке наподобие венка.

– О, ты уже очнулась. Я быстро проверю твои показатели и оставлю вас в покое.

У меня нет сил поднять голову, поэтому я лишь поворачиваю шею, чтобы взглянуть на нее.

– Не могли бы вы оформить документы на выписку? Я бы хотела уйти.

Она одаривает меня мягкой улыбкой, которая не отражается в ее взгляде.

– Прости, милая... но я не могу тебя выписать, пока доктор не даст добро. А он, насколько я знаю, ждет результатов томографии.

Я сжимаю челюсть так сильно, что боль в голове становится еще сильнее, и снова поворачиваюсь к Себастиану.

– Ладно. Раз уж я застряла здесь, нельзя ли мне увидаться с мамой?

Он морщит лоб, а на его лице отражается обеспокоенность.

О боже, ну что еще?

Себастиан наклоняется и упирается локтями в колени.

– Бел, это не та тема, которую мы бы хотели сейчас обсуждать, но для меня очень важно твое психическое состояние. Мне нужно знать, что ты понимаешь: пока мы с тобой ехали в больницу, твоя мать... наша мать... скончалась. Упокоилась с миром.

Боль от этого заявления – подтверждения того, что все произошедшее реально, бьет меня в грудь, словно кувалдой. Это эмоциональная боль, но я ощущаю ее физически. Воздух в легких замирает, пока я пытаюсь удержать горе внутри. Я не хочу распадаться на части, но ничего не могу с собой поделать. Скорбь поднимается к горлу, вырываясь наружу. Невыносимая боль прорывается оглушительными рыданиями, сотрясающими воздух. У меня не получается контролировать себя, и агония поглощает меня, пронизывая до мозга костей.

По щекам скользят холодные ручейки слез. Я ощущаю на себе взгляды медсестры и Себастиана и ненавижу это. В таком уязвимом состоянии я чувствую себя слабой и никчемной. А я к этому не привыкла.

– Да, – наконец отвечаю я, едва дыша. – Мне известно об этом. Я помню все, что произошло на вечеринке. – Я напряженно смотрю на него. – Все.

Себастиан бросает взгляд на медсестру.

– Можно нам кресло-каталку?

Женщина лишь молча кивает и снова оставляет нас наедине.

– Ого, так вот каково это – иметь деньги? Люди бросаются выполнять твои пожелания по одному лишь взгляду? Не задавая вопросов и не высказывая своего мнения?

Уголок его рта приподнимается, и он запускает пальцы в непослушные кудри, убирая их со лба.

– Нет, она медсестра, и ее работа предполагает сострадание. Она знает, что твоя мать умерла, и хочет помочь тебе. Не нужно ее винить. Любопытно, бедняки всегда ведут себя по-скотски по отношению к тем, у кого есть деньги? Если да, то у меня для тебя плохие новости, Бел. Ведь ты теперь одна из тех, у кого они имеются.

Я откидываюсь на подушку, пытаюсь облегчить пульсацию в висках. Однако вряд ли это связано только с сотрясением. Вся эта ситуация – сложная и изматывающая, как самая настоящая мигрень.

– Мне не нужны твои деньги.

– Это не мои деньги, а твои. Или нашего дедушки, если угодно. Много лет назад он разместил средства в трастовом фонде для тебя и нашей матери. Они хранились там в ожидании момента, когда ты или мама заявите на них свои права. Теперь вся эта сумма принадлежит тебе.

По какой-то причине мне становится еще хуже от услышанного. Я бы отдала все богатства мира, лишь бы моя мама была рядом, живая и улыбающаяся.

– Деньги не имеют для меня никакого значения. Мне плевать на них. Я просто хочу ее увидеть, пожалуйста.

Я даже не пытаюсь смахнуть слезы, которые градом льются по щекам. На данный момент они мои неизменные спутники.

К счастью, в палату довольно быстро возвращается медсестра с креслом-каталкой. Борясь с тошнотой и головокружением, я приподнимаюсь, пытаюсь перекинуть ноги через край кровати, но едва успеваю пошевелиться, как Себастиан оказывается рядом со мной, сверля твердым, непроницаемым взглядом.

– Дай помогу, – хмуро произносит он.

Больше всего на свете мне хочется оттолкнуть его, но я не могу себя заставить. Сейчас я нуждаюсь в том, кто подержит меня и не даст сломаться под гнетом обстоятельств. Медсестра берет халат и передает Себастиану, который помогает мне надеть его. После чего он распутывает трубки капельницы и провода от кардиомонитора и ведет меня к креслу. От всех этих маневров у меня еще больше раскалывается голова, но мне все равно. Мне нужно увидеть маму.

Усадив меня в кресло, Себастиан вывозит из палаты и идет в другой конец длинного коридора.

Кажется, иметь деньги – это довольно здорово. Палаты гораздо просторнее, и вокруг очень тихо, что совсем не похоже на суматошные и шумные больницы, в которых обычно лежала мама.

Мы сворачиваем в палату в конце коридора, и я зажимаю рот рукой, увидев маму лежащей на койке. Она кажется спя-

щей, и я почти представляю, как ее зеленые глаза открываются, и радость наполняет их, когда она улыбается мне. Но этого больше никогда не случится. Я не увижу ни ее улыбки, ни блеска глаз. Отныне все это останется лишь обрывочными воспоминаниями.

Я оглядываюсь на Себастиана.

– Это ты попросил перенести ее сюда?

Он кивает.

– Я хотел, чтобы у тебя была возможность попрощаться. У меня не получилось поговорить с ней. Со мной связался врач, но, когда я приехал, ее уже не стало. Как только я разобрался в ситуации, то сразу же отправился за тобой. Я знаю, как сильно ты ее любила. Иначе зачем бы ты вкалывала, чтобы помочь оплатить медицинские счета?

Я сглатываю комок в горле размером с теннисный мяч и смотрю на тускло-серую мамину кожу и белые полумесяцы ногтей. Я вижу ее тело, но понимаю, что ее нет в этой больничной палате. Осталась лишь оболочка души. Время замирает, и я чувствую такую сильную боль, словно мое сердце вырвали из груди. Холодные слезы неудержимо льются по щекам, и я закрываю лицо руками, пытаюсь остановить их.

Этого не может быть по-настоящему. Этого не может быть.

В комнате раздаются прерывистые всхлипы, в которых слышится смесь ярости и скорби. Я не сразу понимаю, что этот звук исходит от меня. Мои легкие сжимаются, а пуль-

сация в голове усиливается.

Кажется, меня сейчас вырвет.

– Я знаю, что сейчас тебе так не кажется, но все будет хорошо. Я обещаю. А я никогда не нарушаю своих обещаний, Бел.

Себастиан пытается успокоить меня, но он понятия не имеет, что говорит. Как он может считать, что все может наладиться? Моя мама... наша мама покинула нас. Умерла. Ничего больше не будет хорошо. Совсем.

Каждый мой вдох и выдох причиняет боль, пока я пытаюсь смириться с осознанием того, что она не вернется. Это не тихий сон, от которого она очнется, мама ушла навсегда.

Больше не будет тостов с корицей холодными вечерами. И посиделок в придорожных кафе, когда мы с ней рылись в кошельках в поисках мелочи, чтобы оплатить счет, и смеялись над каждой вещью, которую обнаруживали в недрах сумок. А также, никаких больше послеобеденных мыльных опер, во время просмотра которых я подшучивала над мамой, рассуждая о том, насколько они нелепы.

Воспоминания переполняют меня, угрожая вытеснить все жизненные силы, и я издаю еще один безутешный всхлип.

Я даже не попрощалась с ней. Не сказала, какой хорошей мамой она была, и то, что люблю ее больше всего на свете...

Теплые шершавые ладони обхватывают мои щеки. Перед глазами возникает лицо Себастиана, но его силуэт расплывается из-за слез.

– Мэйбел, дыши. Сделай глубокий вдох для меня, или нам придется выйти из палаты, пока ты не успокоишься.

Я пытаюсь сделать, как он сказал, но это все равно что втягивать воздух в легкие через соломинку.

Хватка усиливается, и он сдавливает мои щеки сильнее, а его пальцы становятся влажными от моих слез.

– Ну же, Бел. Дыши. У тебя получится.

Я наблюдаю за тем, как он вдыхает воздух через рот, а затем медленно выдыхает через нос. Я повторяю его движения и шумно вдыхаю, а затем со всхлипом выдыхаю обратно. Снова и снова.

Не знаю, сколько времени я провожу так, утопая в своем горе. Каким-то образом я оказываюсь на полу и позволяю холоду просочиться в кости. Сильные руки Себастиана прижимают меня к себе, не давая рассыпаться на части. Мерное биение его сердца возвращает меня в реальность.

Он отстраняется, и я замечаю, что его щеки красные и влажные, также как у меня.

– Тебе лучше?

Я не рискую снова смотреть на маму – не сейчас, когда я и так едва дышу. Мне хочется взять ее за руку и откинуть волосы с ее лица, но я не могу заставить себя сделать это. Ведь я знаю, что ее больше нет.

– Спасибо, что привел меня к ней. Но я... не могу здесь находиться. Я думала, что смогу, но нет. Мне невыносимо видеть ее такой. Я хочу домой.

Он кивает и осторожно помогает мне встать на ноги, а затем бросает взгляд через мое плечо на того, кто стоит у двери.

– Попросите доктора подготовить ее документы? Я приглашу частного врача, если ей понадобится дополнительный уход. Думаю, пребывание дома поможет Бел скорее поправиться.

– Конечно. Я все передам доктору.

Голос принадлежит медсестре, которая приходила ко мне в палату. Себастиан кивает ей, а затем помогает мне снова сесть в кресло. У меня дрожит нижняя губа, и я прикусываю ее, пытаюсь сдержать слезы.

Утрата любимого человека – это ни с чем не сравнимое чувство. Кажется, будто ты потерял часть себя, и ее уже не вернуть.

Гнев и печаль борются во мне, пока Себастиан вывозит меня из палаты.

– Надень то, что у тебя с собой, а позже я закажу для тебя новую одежду. Или мы заберем твои вещи из общежития.

Я обмякаю в кресле, едва способная двигаться, не говоря уже о том, чтобы думать. Меня тошнит от мысли об университете. Я не хочу ни есть, ни спать, ни даже дышать. И просто хочу вернуть свою маму.

Себастиан продолжает говорить со мной так, словно я принимаю участие в беседе.

– Ни о чем не волнуйся. Я все организую. А сейчас лучше

подумай о своем здоровье. Если с тобой что-нибудь случится...

На какое-то время я отключаюсь, погружаясь в темные глубины сознания, прячась от боли, гнева и печали.

Я потеряла все и всех. Маму. Дрю. Джеки. У меня ничего не осталось, и мне больше не для кого жить. Какой в этом смысл?

Внезапный толчок выводит меня из задумчивости, и, моргнув, я возвращаюсь в настоящее, понимая, что оказалась в машине.

Когда он успел сюда меня посадить?

Я в замешательстве ерзаю на сиденье и выглядываю в окно, за которым возвышается огромный особняк.

Это точно не мой дом.

– Я живу не здесь, – шепчу я.

– С этого момента здесь. Прости, Бел, я понимаю, что для тебя все это слишком, – мягко говорит Себастиан. – Но я не смогу защитить тебя, если ты будешь предоставлена сама себе. Отныне тебе следует жить в родовом поместье, чтобы я мог присматривать за тобой. Сейчас я вообще никому не доверяю.

Я машу рукой в сторону особняка.

– В этом нет никакого смысла. Ты ведь и сам живешь в Фабрике, а не здесь.

Он медленно выдыхает через нос.

– Уже нет. Когда наш дед умер, у меня не осталось другого

выбора, кроме как вступить в наследство. Мое место здесь, поскольку я управляю делами семьи. Я по-прежнему буду продолжать учебу в университете и выполнять свои обязанности в Фабрике, но теперь я живу здесь. И ты тоже.

Его властный, не терпящий возражений тон снова вернулся, но у меня нет сил, чтобы спорить. По крайней мере, не сегодня.

Себастиан выходит из машины и обегает ее вокруг, чтобы открыть мне дверь. А после осторожно, словно я сделана из стекла, помогает вылезти из салона. Ноги не слушаются меня, дрожа как желе, а колени так и норовят подкоситься под тяжестью тела. Я чувствую себя очень слабой, но мне нельзя поддаваться этому состоянию.

Боль в голове утихла – вероятно, из-за обезболивающих препаратов, которыми меня накачали перед тем, как снять капельницу.

Если бы только у них было лекарство, способное облегчить душевную боль...

Я хватаюсь за его предплечье, но стараюсь не прижиматься слишком близко.

– Просто чтобы ты знал: я в состоянии ходить сама.

– Говорит та, что ходит словно новорожденный олененок.

Я кривлюсь и с недовольством смотрю на него, обнаружив, что Себастиан улыбается мне. Притом искренней и теплой улыбкой, которую дарят тем, кто дорог.

Но ведь это *ложь*! Я безразлична ему. Он просто исполь-

зует меня и пытается поддержать имидж. Дело наверняка в этом.

Себастиан помогает мне подняться по ступенькам и дойти до парадного входа. Огромный особняк отделан стеклом, благодаря чему выглядит очень современно. Массивные черные двойные двери открываются после того, как Себастиан проводит ладонью перед датчиком возле ручки. Мы оказываемся в просторном фойе с блестящими мраморными полами и высокими потолками. Над нами сверкает люстра, которая кажется созданной из множества бриллиантов, а наверх ведет широкая лестница, от которой во все стороны расходятся комнаты на жилом этаже. У меня нет сил даже для того, чтобы прокомментировать, насколько все это... нелепо.

Кому, черт возьми, может нравится жить в таком месте?

– Знаю, что ты к такому совсем не привыкла, и тебе нужно время, чтобы адаптироваться к переменам, но знай: ты можешь иметь все, Бел. И я не позволю тебе отказаться от этого права.

Я молчу. Что тут можно сказать? Это больше не моя жизнь. Я всего лишь марионетка в спектакле, где кто-то другой дергает за ниточки и управляет мной.

С большим терпением, чем я могла бы ожидать от него, Себастиан ведет меня вверх по лестнице и вдоль по длинному коридору с украшенными роскошным цветочным орнаментом стенами, дорогими тканями и ценными безделушками.

На мгновение я задаюсь вопросом, где остальные обитатели дома.

Неужели здесь больше никого нет?

За все то время, что я провела с Дрю, мне и в голову не пришло расспросить его о друзьях. С другой стороны, с чего бы мне делать это? Ведь мы с ним никогда не были вместе по-настоящему.

Себастиан останавливается у двери в конце коридора, берет за серебристую ручку, поворачивает ее и распаивает. Проводив меня в спальню, он помогает мне усесться на край огромной кровати в центре комнаты между двумя огромными окнами. Я едва достаиваю помещение взглядом, но успеваю заметить, что оно оформлено в благородных оттенках серого и сиреневого. Здесь, бесспорно, очень красиво, но в данный момент мне абсолютно наплевать.

Похоже, я испытала слишком много эмоций сразу, из-за чего нахожусь в оцепенении. Мой мозг будто отключился, что даже хорошо, поскольку Себастиан вдруг протягивает мне лист бумаги и я узнаю мамин почерк, выведенный на лицевой стороне белого конверта.

Что это?

Сердце разрывается от тоски, и внезапно меня осеняет, что я не могу позволить ему уйти и остаться одной.

– Меня попросили проследить за тем, чтобы оно попало к тебе. Это письмо от мамы. Прочитай, когда будешь готова. Для преодоления горя требуется время, и у каждого из нас

свой способ справиться с ним, но... не утрачивай свою искру, Бел. Не позволяй всему этому изменить тебя. Я совсем не знал нашу мать, но уверен, она бы не хотела, чтобы ты потеряла себя. Если тебе что-то понадобится, воспользуйся интеркомом возле кровати.

Я не отвечаю ему: у меня пересохло во рту, а еще я не могу оторвать взгляда от конверта в моих руках.

Проходит немало времени, прежде чем я осторожно открываю его и вытаскиваю тонкий листок блокнота, спрятанный внутри. Несколько кусочков оторванного от спирали краешка падают на пол. Улыбка трогает мои губы, когда я вижу мамин размашистый почерк.

Мальшика,

Мне ужасно жаль, что ты узнала о случившемся таким образом. Я много раз пыталась поговорить с тобой, но ты отказывалась даже думать о моем уходе. Не могу винить тебя за нежелание мириться с этим. Порой ты упряма так же, как твоя мать. Именно поэтому мне пришлось прибегнуть к запасному плану.

Себастиан – твой брат. Я обещаю, что скоро все прояснится, но сейчас тебе нужно знать лишь то, что много лет назад я отказалась от него ради того, чтобы обеспечить твою безопасность. Единственное, о чем я сожалею: что не успела полюбить его так же сильно, как любила тебя. Я знаю, что все это трудно понять, и ты наверняка сбита с толку, но, надеюсь,

когда-нибудь произошедшие события обретут смысл для тебя.

Слушайся Себастиана. Он будет оберегать тебя, я это точно знаю.

Всегда помни, что я очень люблю тебя! Ты стала смыслом моей жизни с той самой секунды, как открыла глазки. Ты заботилась обо мне, хотя все должно было быть наоборот. Теперь эта привилегия достанется Себастиану и тому мужчине, которого ты однажды выберешь.

Ты навсегда останешься моей идеальной, маленькой Мэйбел.

Я хочу, чтобы ты не забывала, что нельзя позволять трудным дням брать верх. Не сомневаюсь, что их будет еще много в твоей жизни, но помни, что я всегда буду рядом. Понимаю, сейчас это кажется лишь далекой мечтой, но я очень хочу, чтобы ты обрела любовь – ту самую, что окрыляет душу и заставляет тебя стремиться к большему. Я полагала, что испытала это однажды, но все очень быстро закончилось, и я не желаю подобного для тебя, милая. Я хочу, чтобы ты испытала любовь такой, какой она должна быть. Со всеми взлетами и падениями, и единственным человеком, который помогает тебе пройти через все это – тем, кто всегда будет рядом, невзирая ни на что.

*Целую, обнимаю,
Мама*

Я прижимаю письмо к груди и откидываюсь на матрас.

Мое сердце бьется, а легкие наполняются воздухом, но я не чувствую ничего, кроме боли утраты. В моей душе образовалась пустота, и я не понимаю, как мне дальше жить с этим.

1. Дрю

Я чувствую себя волком в овечьей шкуре. Кожа зудит, а желудок скручивается в узел. Это мой дом, мои друзья и мое наследие, однако в голове крутится мысль о том, что мне здесь не место. И это действительно так. В эту минуту я мог бы заниматься чем-то гораздо более важным: к примеру, умолять Бел поговорить со мной и простить. Я пробовал отправлять ей смс и пробиться в особняк, но чертова охрана Себастиана выкинула меня с территории. Будто я никогда раньше не бывал в этом доме и не был его гребаным другом большую часть жизни. Себастиан фактически запретил мне видеться с ней.

В данный момент я, перекинув ногу через подлокотник, полулежу на массивном деревянном троне, сооруженном еще моим прадедом. Осмотрев комнату, я перевожу взгляд с одного присутствующего на другого. Каждый из новичков Фабрики офигительно жалок – штампованная копия любого парня из студенческого братства нашей страны. Перед каждым ублюдком стоит по пять шотов, но они не могут справиться даже с этим.

Снимаю ногу с подлокотника и с глухим стуком опускаю ботинок на пол.

– Я, мать вашу, не прошу вас ни о чем сложном. Все, что от вас требуется: выпить пять шотов и пробежать пять-

сот метров по лужайке и обратно. Да это проще простого по сравнению с тем, что устраивают на посвящении другие братства.

Раздается нестройный хор бормотаний и возгласов, и я носком ботинка пихаю в плечо ближайшего ко мне новичка.

– Эй ты, кретин, добей уже свою порцию и подай другим пример. – Я отрывисто киваю Себастиану, который со скучающим видом восседает в огромном бархатном кресле на другом конце комнаты. – Не боишься, что твой спонсор пожалеет, что привел тебя сюда? Хочешь в следующем году погоняться за «зайцем» во время Охоты? Тогда возьми себя в руки, недоумок!

Последнюю фразу я выкрикиваю ему в лицо, и парень низко склоняется над рюмками, в попытке защитить себя, на случай если мой ботинок вдруг промахнется мимо его плеча и попадет по менее защищенным частям тела.

– Гребаный слабак, – бормочу я и поднимаюсь, чтобы направиться к бару.

Хватаю с верхней полки бутылку бурбона, откупориваю пробку и делаю большой глоток. Жжение, медленно распространяющееся по груди, дарит чертовски приятные ощущения. Наслаждаясь вкусом, я не свожу взгляда с Себастиана, раздумывая, как подступить к нему, не устроив очередную потасовку.

Ко мне приближается Ли с бутылкой в руках.

– Мне показалось, или эти уроды еще хуже прошлогод-

них?

Фыркаю.

– Я как раз думал о том же. Пять рюмок – это же сущий пустяк. А забег – и того проще.

Я повышаю голос, чтобы новички могли меня услышать:

– И, если эти полудурки не начнут действовать в ближайшее время, я начну увеличивать количество шотов и протяженность забега.

Один из кретинов, спотыкаясь, поднимается на ноги, и Ли бросает на него испытующий взгляд.

– Ты уже готов, болван?

Тот кивает.

– Да, сэр.

Ли подмигивает ему с дерзкой усмешкой.

– Докажи, что выполнил дневное задание, и тебе же лучше, если оно окажется охренительно увлекательным.

Новичок роется в своей одежде на полу в поисках телефона, активирует экран и сует в руки Ли. Я склоняюсь над плечом друга и смотрю на фотографии. Каждый из присутствующих должен был переспать с пятью разными девчонками за сегодняшний день и предоставить подтверждение в виде фото, чтобы быть допущенным к посвящению.

Ли кивает, пролистывая фотографии.

– Что ж, по крайней мере, ты старался, придурок. Снимки приняты. Можешь приступать к забегу.

Ли подает сигнал Эриесу, который наблюдает за продол-

жающими надираться новичками, сидящими на полу. Себ встает и выходит следом за Ли, за ними семенит новичок, а я иду позади всех. Снаружи завывает пронизывающий ветер, и недоумка тут же начинает бить дрожь. Ну а я, в свою очередь, застегиваю флисовую куртку и засовываю руки в карманы.

– Вперед, придурок. Я не хочу заработать обморожение, пока мы тебя дожидаемся.

Футбольный сезон закончился, и мы приступили к процессу посвящения новичков. Тех, кто придет нам на смену в ближайшие годы, когда Ли, Себ и я выпустимся из университета. Выбор пока невелик, но у кого-то обязательно хватит смелости взять на себя такую ответственность.

Я останавливаюсь рядом с Себастианом на стартовой линии, но он, как я и ожидал, даже не удостоивает меня взглядом. До тех пор, пока я не выхватываю из его рук бутылку элитной водки. Физически он находится здесь, но мысленно где-то далеко и, скорее всего, замышляет надо мной расправу.

Его взгляд встречается с моим, и он напряженно щурится.

– Пошел к черту, – говорит Себ низким и угрожающим тоном.

Не таким он обычно говорит мне отвалить. Судя по его голосу, назревает драка, если я буду продолжать на него наседать. И, если честно, я уже выпил столько алкоголя, что вполне готов на него надавить.

По правде говоря, именно драка мне сейчас и нужна. Что угодно, лишь бы не думать о том, что я натворил с Бел и какую боль ей причинил.

– Где она? – решительно спрашиваю я.

Нет никакого смысла ходить вокруг да около. Себастиан прекрасно знает, что я без ума от Бел и умираю от желания хотя бы мельком увидеть ее блестящие светлые волосы.

Он выхватывает бутылку обратно, удерживая ее в одной руке, а другую засовывает в карман черных брюк. Себ, как обычно, одет так, словно собрался на фондовый рынок. Бьюсь об заклад, что он жаждет врезать мне по лицу, и, возможно, именно поэтому держит руку глубоко в кармане – чтобы не поддаваться импульсу.

– Ты глухой? Я же сказал: Пошел. К. Черту.

Я подхожу ближе. Ночной воздух превращает мое дыхание в туманную дымку.

– Не глухой, дружище, просто сознательно игнорирую ту чушь, которую ты несешь. Бел не было в университете уже почти месяц. Учеба очень важна для нее. Когда она вернется на занятия?

Со стороны дома доносится шум: один из новичков, спотыкаясь, выбегает наружу и мчится к стартовой линии, проносясь мимо нас.

Неужели кто-то готов убраться отсюда с таким же рвением, как и я?

Я вновь переключаю свое внимание на Себа.

– Итак, ты как раз собирался сказать мне, когда Бел вернется к занятиям.

Его зеленые глаза сужаются до узких щелок.

– Во-первых: с какого хрена я стал бы рассказывать тебе об этом? Во-вторых: почему это вообще так тебя волнует? Если мне не изменяет память, ты ясно дал ей понять, что она ничего для тебя не значит. А теперь, когда Бел перестала быть отбросом, ты полагаешь, что можешь вернуть ее обратно? Она не гребаная игрушка, которую ты передаешь своим друзьям, когда вдоволь поразвлёкся!

Меня захлестывает волна жгучей ярости.

– Мы оба знаем, что в тот день я говорил не всерьез. Я лишь пытался защитить Бел от своего отца. Ты ведь в курсе, что он из себя представляет. Ему взбрело в голову отомстить ей за то, что она якобы опорочила наше имя. Я не собирался причинять ей боль. Знаю, что в итоге так и сделал, но это не входило в мои намерения.

Я вижу, как напрягается его челюсть и мышцы подрагивают в тусклом лунном свете. Себ ничего не отвечает мне, делая большой глоток водки.

– Хм... что ж, ему же хуже, – говорит он через некоторое время. – Бел теперь занимает гораздо более высокое положение, чем он, мать его. Карма – та еще сука. Это план твоего папочки или твой личный? Это он велел тебе все уладить, чтобы ты мог жениться на Бел? Все знают, что твой отец живет на наследство твоей мамы и что у него самого ни черта

не было до женитьбы на ней.

Я стискиваю руки в кулаки.

– Сейчас речь не о нем. Я хочу знать, когда Бел вернется на учебу.

– Для тебя она «мисс Артуро», ублюдок.

Я медленно выдыхаю, чтобы не ударить Себа в гребаную челюсть. Он всерьез действует мне на нервы, но я не хочу разбивать ему лицо.

– Нет, Бел – моя тихоня, и тебе, мать твою, прекрасно известно об этом. Она никуда от меня не денется, и я никогда от нее не откажусь.

Себ ухмыляется.

– Хм... кажется, ты уже отказался от нее. А что касается того, когда она вернется к занятиям... Видишь ли, она ждет, когда заживут швы. Те самые, которые ей пришлось наложить после того, как ты толкнул ее, в результате чего она ударилась головой. Ты еще помнишь об этом?

Мой желудок сводит судорогой. Я прикрываю глаза, чтобы прогнать воспоминание о том, как Бел упала, и ее кровь капала на пол. Забыть ужас в ее глазах, боль и страх. Я сделал это с ней, и вряд ли смогу простить себя хоть когда-то. Но собираюсь каждый день заглаживать вину перед ней, если только она даст мне такой шанс.

– Это был несчастный случай.

– А называть ее голодранкой ты тоже не собирался? Ты же знаешь, что говорят о насилии: не столько о физическом,

сколько эмоциональном. Физические раны заживают, а эмоциональные остаются с тобой навсегда. Так сколько же времени потребуется Бел, чтобы исцелиться?

Еще один новичок, спотыкаясь, спускается по ступенькам дома, перемещается по дорожке и бежит по газону. Его остекленевший взгляд едва различает нас, пока он мчится по заданной траектории. Себастиан, как и подобает такому ублюдку, как он, пинает недоумка в оголенный бок, и парень спотыкается, однако все же удерживается на ногах. Мы наблюдаем за тем, как он бежит, пока не исчезает за небольшим холмом.

С трудом подавив растущее чувство вины и отвращение к себе за то, что по-прежнему жажду обладать Бел после всего, что натворил, я разворачиваюсь и возвращаюсь в дом. Там я хватаю одного из новичков, который допивает последнюю рюмку.

– На выход, кретин. Время вышло.

Он отбивается, но все же неуклюже встает на ноги, и я выволакиваю его на улицу, толкнув к стартовой линии. При этом немало удивляюсь тому, что он умудряется не упасть и даже пускается в бег. Неплохо.

Я смотрю ему вслед, а затем возвращаюсь в дом и обращаюсь к остальным:

– У вас две минуты, чтобы выползти из дома, или вы проваливаете на хрен! Навсегда.

Обернувшись, я вижу Себастиана, который медленно бре-

дет по освещенной фонарями дорожке, и следуя за ним.

Он не отделается от разговора так просто.

Как только мы оказываемся бок о бок, он резко останавливается.

– Послушай, все, что произошло на той вечеринке – это полный провал, я знаю. Все пошло совсем не так, как планировалось.

Себ смотрит на меня, но черты его лица частично скрыты в тени из-за слабо горящих фонарей.

– Как поживает твоя невеста, Дрю? Ты ее уже отымел? Исходя из того, что я видел, она готова была выпрыгнуть из платья прямо посреди банкетного зала у всех на глазах. Черт, да я готов поспорить, что она позволила бы мне поиграть с ней вместе с тобой. Ну а что? Считай, два по цене одного.

Я стискиваю зубы и напряженно вглядываюсь в темноту, чтобы не наброситься на него. Он вел себя так все те несколько раз, когда мы разговаривали с ним после случившегося.

– С этим покончено. Я ясно дал понять и своему отцу, и Спенсеру, что не женюсь на ней. Отец смирился с этим. По крайней мере, на данный момент. Что с тобой такое, мужик? Неужели годы нашей дружбы ничего не стоят для тебя?

Себастиан резко срывается с места, словно туго натянутый лук, и врывается в меня грудью, сверля напряженным взглядом. Запах водки жжет мои глаза.

– Ты переспал с ней, а после бросил самым болезненным и жестоким образом! В тот момент, когда она нуждалась в

тебе больше всего на свете. Бел – моя гребаная сестра. И ты ждешь, что я просто смирюсь? Рассчитываешь, что я выберу тебя, а не ее?

По спине струится холодок от страха и тревоги. Я в двух секундах от того, чтобы сказать: «МОЯ сестра», но не делаю этого. Я сдерживаю себя, потому что знаю, что это приведет к конфликту совершенно иного рода.

– Еще месяц назад ты не знал о том, что она твоя сестра. Бел никто для тебя. К тому же я не прошу тебя выбирать между мной и ней или утверждать, что мой поступок нормальный. Я просто пытаюсь понять, почему ты так на меня взъелся.

Себ отворачивается, покачивая головой.

– Может, я пока плохо ее знаю, но забота о ней – это моя ответственность и главная задача. Она моя чертова сестра, Дрю! Сестра. Я потерял всех, а теперь у меня появилась Бел – родная кровь. И она более чем достойна того, чтобы оберегать ее.

Эмоции переполняют его, и голос срывается. Я понимаю, почему он так хочет защитить Бел. Впервые в жизни и он, и я испытываем такое сильное беспокойство о ком-то.

– Я должен защищать ее, даже если придется не подпускать тебя к ней. Даже если бы Бел хотела тебя видеть, вот только она этого не хочет.

Я вздыхаю. Эмоции в груди переплелись в беспорядочный клубок. В последние дни я не могу даже думать о Бел, не ис-

пытывая тошноты при этом. Не от нее, а от себя самого. Еще ни о чем в своей жизни я не жалел настолько сильно, как о том, как обошелся с ней тем вечером. Я хочу, чтобы она вернулась в мою жизнь, но не так, как раньше. Мне нужно больше: что-то более глубокое, что-то... осмелюсь сказать... настоящее. Но я понимаю, что для начала мне нужно разобраться с отцом. Я еще не знаю, как сделаю это, но не собираюсь отказываться от Бел из-за него. Отец непредсказуем, но доказав ему, что она ничего для меня не значит, я переключил его внимание с нее на себя.

Я постоянно мысленно возвращаюсь к тому вечеру: осознанию предательства, отразившегося в ее прекрасных чертах и страданию в ее глазах. Я причинил ей боль и ненавижу себя за это. С тех пор я даже не могу смотреть на себя в зеркало.

Единственное мое утешение – факт, что с того самого вечера мне почти не приходилось общаться с отцом. Я опасаясь, что если проведу с ним больше пяти минут, то попытаюсь прикончить его, а я еще не готов преодолеть этот рубеж... пока.

– Что ты хочешь от меня услышать, Себ? Я думал, что поступаю правильно. Я пытался защитить ее, – сдавленно говорю я.

– Ничего. Ни мне, ни ей ничего от тебя не нужно. Забудь о Бел и оставь ее в покое. Только так я смогу удержаться от того, чтобы не пустить тебе пулю в лоб.

Мир словно замирает от этих слов. Холод в глазах моего друга говорит о том, что он совершенно серьезен. Я стараюсь не показывать ему, как сильно это ранит меня, что оказывается почти невозможным.

– Ты что, шутишь, мать твою? Неужели ты не видел того, что происходило в последние пару месяцев? Бел принадлежит мне, – я понижаю голос и подхожу к Себу так близко, что между нами остается всего несколько сантиметров. – Она моя.

Между нами протискивается рука и меня отталкивают назад. Ли встает между мной и Себастианом, понимая, что зревает драка.

– Если вы не планируете обниматься, то отвалите друг от друга на хрен. Вы оба не желаете делиться со мной тем, что произошло на той вечеринке, но мне надоело выступать в роли рефери, пытаясь удержать вас обоих от смертоубийства. Сейчас у нас есть дело, которое мы должны закончить вместе. Нельзя, чтобы эти болваны сдохли от алкогольного отравления или обморожения, иначе у нас возникнут проблемы другого рода. А после можете снова разойтись по разным углам и продолжать дуться и киснуть.

В этом-то и заключается проблема. Я не планирую отступать. Протяжно вздохнув, я выхватываю бутылку с ликером из рук Ли. Поднеся ее к губам, я делаю большой глоток и... с трудом проглатываю содержимое.

Подняв бутылку, я с недоумением рассматриваю этикет-

ку.

– Это что, гребаный джин, Ли? Ты серьезно?

Он смотрит, как я вытираю рот тыльной стороной ладони, как будто это поможет мне избавиться от мерзкого привкуса.

– Эй! Я не осуждаю твой выбор напитков, так что не осуждай мой.

Ли выхватывает бутылку и снова встает между мной и Себом, выступая в роли щита. Но если бы мы действительно захотели подраться, он не смог бы нам помешать.

Мы переключаем внимание на последних новичков, которые, пошатываясь, выходят из дома и, словно перебравшие малолетки, петляя, несутся по лужайке. Наконец-то, черт бы их побрал. Осталось совсем немного до того момента, когда я смогу убраться отсюда. Вот только мне пока не на что надеяться после нашего с Себом разговора. Бел заперта в башне из слоновой кости, и у меня нет никакой возможности выволить ее оттуда.

Меня можно считать кем угодно: мерзким негодяем, дерзким плейбоем, сволочью и ублюдком, но я совершенно точно не идиот. Я слежу за Себастианом как ястреб, и уверен, что он спрятал Бел в своем доме. Это единственный возможный вариант. Она не в общежитии и не живет в доме своей матери. За прошедшее с последней встречи время я ни разу не видел Бел даже мельком и именно по причине ее полного отсутствия в моей жизни стал таким раздражительным и вспыльчивым.

Чтоб меня.

Я мог бы забраться в их дом – не вижу в этом ничего зазорного. Мое желание увидеть ее настолько велико, что я готов на все. Вот только я уже пытался, и охранники дали мне пинка под зад. Однако это произошло почти сразу после случившегося на вечеринке, и я уверен, что тогда они ждали от меня подобной выходки. Подумав, я решаю пока отбросить эту идею. Оставляю это на самый крайний случай. Я еще не дошел до предела своего терпения.

Вытаскиваю из кармана смартфон и смотрю на экран. Я отправил Бел уже миллион сообщений и пытался дозвониться ей, но она неизменно отвечает, чтобы я оставил ее в покое и перестал преследовать. Неужели она в самом деле верит, что меня может отпугнуть ее требование отвалить и прекратить попытки связаться с ней? Быть может, это сработало бы, если бы я был хорошим парнем, но это далеко не так. Я Дрю – тот самый монстр, который выследил ее тогда в лесу. Парень, которому она отдала свою девственность и показала все потаенные уголки своего разума.

Я никуда не денусь из ее жизни.

Открыв сообщения, я нахожу ее имя, набираю очередное сообщение и отправляю, но в ответ приходит уведомление о том, что оно не доставлено. Я сжимаю телефон так сильно, что он почти трескается, и опускаю взгляд на землю. Считаю от десяти до нуля, пытаюсь успокоиться, прежде чем совершу какую-нибудь глупость – например, выбью всю дурь из

своего лучшего друга.

Десять. Девять. Восемь. Семь. Шесть. Пять. Четыре. Три. Два. Один.

Почувствовав, что желание прикончить Себа сходит на нет, задаю ему вопрос:

– Ее мобильный телефон тоже под домашним арестом?

Себ оборачивается и одаривает меня фирменным холодным взглядом, который разъедает мои внутренности, словно кислота.

– Бел не под домашним арестом, придурок, и я не забирал у нее телефон. Она сама выбросила его, потому что ты писал ей без остановки. А я с радостью подарил ей новый, где нет твоего номера.

Взгляд Ли мечется между нами, а уголки его рта опускаются, образуя хмурую гримасу.

– Может, вы завяжете со своими гребаными разборками и сосредоточитесь на деле? Кажется, вон тот ублюдок кони двинул.

Не дотянув совсем немного до финиша, один из новичков потерял сознание и упал на траву.

Так дело не пойдет, приятель.

Я подхожу к нему и проверяю пульс, а следом кончики пальцев на руках и ногах.

– Он жив, просто в стельку пьян.

Я без особой осторожности поднимаю новичка на ноги, и с его губ срывается бессвязное бормотание, пока я тащу без-

вольную тушу к Ли. Его колени подгибаются под тяжестью собственного веса, но, к счастью для него, Ли быстро подхватывает его и не дает снова рухнуть в грязь.

Бросаю взгляд на Ли через плечо этого парня.

– Достань для меня номер, ладно?

– Ты не дотянул до финиша всего пару метров, чувак, – говорит ему Ли, быстро кивнув мне.

После чего они скрываются в доме, а мы с Себом снова остаемся наедине. Я поворачиваюсь и вижу, что друг смотрит на меня. Его пронзительный взгляд пронзает меня насквозь.

– Я понимаю, почему ты хочешь защитить ее, но ты не сможешь прятать ее от меня вечно. В конце концов, Бел придется вернуться к занятиям, и я неизбежно увижу ее. Я знаю тебя почти всю жизнь и понимаю, что тебе нравится думать, будто ты контролируешь ситуацию, но это не так. И предупреждаю: мне плевать, что ты думаешь и чувствуешь на этот счет. Бел моя. Она была моей еще до того, как ты узнал, что она твоя сестра, и будет моей еще очень долго.

Себастиан ухмыляется, но это ухмылка серийного убийцы, который приставил нож к горлу жертвы.

– Ну разумеется... но позволь мне сказать тебе кое-что: Бел, которую ты называешь своей, исчезла. Ее больше нет. Как ты там ее называл? Тихоня? – Он постукивает себя пальцем по подбородку, словно погружаясь в раздумья. – Да, именно так. Так вот, знай, что сейчас она больше похожа на

дикарку, а мы с тобой оба знаем, что тебе не нужна та, которую ты не сможешь приручить. Лучше оставь ее в покое... если не хочешь, чтобы наша дружба подошла к концу, а ты оказался на три метра под землей.

– Не давай обещаний, которые не сможешь выполнить. Ты не станешь убивать меня. Мы слишком многое пережили вместе.

Себ толкает меня, но я едва чувствую это.

– Не указывай, что мне делать или не делать! Если полагаешь, что я буду просто стоять в стороне и позволять тебе обращаться с ней как с дерьмом, то ты плохо меня знаешь. Когда дело касается Бел, я готов на все, чтобы защитить ее – даже убить тебя, если это будет единственным способом избавиться от твоих преследований. Семья превыше всего.

Я не понимаю, как реагировать на этот выпад, но не отвожу взгляд, не желая выказывать ему и намека на страх и волнение.

Себастиан очень серьезно относится к роли брата, и я уверен, что он не блефует. Но дело в том, что и я тоже.

В конце концов, одному из нас придется отступить...

2. Бел

Когда скорбишь, время воспринимается совсем иначе. Каждая минута и каждый день тянутся мучительно медленно. Мне кажется, будто рана, оставшаяся в груди от нехватки мамы в моей жизни, никогда не заживет. От каждой мысли и воспоминании о ней на глаза наворачиваются слезы и льются бесконечным потоком. И даже когда я смахиваю их, мое зрение не проясняется. Каждый новый вдох усиливает боль и напоминает о том, что все это не кошмар, от которого я могла бы проснуться.

Прошел уже месяц с тех пор, как я потеряла ее, но ощущение такое, словно прошло всего несколько мгновений – настолько свежо мучительное чувство потери. Я оглядываю пространство, которое теперь именуется моей комнатой. Да, это действительно моя комната, но не совсем. Ничего в этом месте не показывает мою личность. Все здесь безупречно, начиная от крашенных стен с молдингами и заканчивая шелковым постельным бельем и плюшевым ковром на полу. Это все так не похоже на меня, что я скучаю по маме и нашему крошечному домику еще сильнее. Да, нам не хватало денег, но мы были друг у друга. Прижимаю руки к глазам, чтобы остановить непрекращающийся поток слез.

Подумай о чем-то другом... о чем угодно.

Возле кровати прямо на полу громоздится целая груда но-

вой одежды с бирками и стопка книг в мягкой обложке. Окидываю вещи гневным взглядом. Я не одинока в своем горе, но меня не покидает именно такое ощущение. Себастиан полагает, что может купить мое счастье, и это выражается в его постоянной потребности осыпать меня подарками: новыми книгами, одеждой и прочим.

Сами по себе эти вещи отнюдь не плохи, но они не заполняют пустоту в душе. Возможно, это помогает ему, и он всегда именно так справлялся со своими переживаниями, но я так не могу. Не могу просто купить что-нибудь новое и забыть о своем горе. Мы с Себастианом совсем разные. Деньги могут решить множество проблем в жизни, но они не способны восполнить утрату любимого человека. Людей нельзя заменить вещами.

Время от времени у меня возникает желание покинуть эту комнату и отправиться исследовать другие части дома, но подобные моменты случаются нечасто. Я изо всех сил стараюсь держаться в тени, ведь мне здесь не место. И я не нуждаюсь в очередном напоминании об этом.

Мир вокруг меня стал намного мрачнее без нее... и без него.

Словно из моей жизни исчезли все краски. Я стараюсь не думать о Дрю, но если мои мысли не крутятся вокруг него, то возвращаются к маме, а я предпочитаю вспоминать о том, что причиняет мне меньше боли. Я прижимаюсь спиной к подушкам и смотрю на потолок с изящным узором, размыш-

ляя о том, что, черт возьми, мне теперь делать со своей жизнью.

Возвращаюсь мыслями к ставшими привычными за последние две недели разговорам с Себастианом, во время которых он неизменно выражает надежду на то, что я вернусь к занятиям. Я бы тоже хотела этого, но никак не могу набраться храбрости. Не в том случае, когда есть риск увидеть Джеки, Дрю и того, кто знает, что произошло тем вечером. Мне не нужна их жалость.

Как и вчера, и позавчера, я без конца ворочаюсь на кровати, а когда мне надоедает пялиться в потолок, таращусь на дверной проем.

Стены комнаты выкрашены в бежевый цвет, а постельное белье, шторы, элементы отделки – *богачи ведь называют это отделкой, не так ли?* – и мебель выдержаны в красивых и сдержанных оттенках лилового и серого. Все выглядит в точности таким же, каким было, когда я только приехала сюда. Мне все время кажется, будто я нахожусь в номере отеля, а не в своей спальне.

Мама бы точно оценила абсурд происходящего. Она бы высмеяла всю эту нелепую роскошь: гору подушек на кровати, в то время как мне достаточно всего двух, ежедневную уборку комнаты, если только я не препятствую этому, и еду, которую приносят как по расписанию, без единой на то просьбы с моей стороны. Вот, как и в данный момент: сейчас ровно пять часов и кто-то уже стучит в дверь.

Персонал всегда появляется минута в минуту, и я благодарна им за еду, которую они приносят, но это не меняет ситуацию. Единственное, что я хочу заполучить – бутылку вина, которую, как правило, передают вместе с ужином.

Я сползаю с кровати, и ноги сводит после нескольких часов лежания в одной позе. Открываю дверь, и в комнату заглядывает одна из кухонных работниц. Кажется, ее зовут Хайди, но я стараюсь не привязываться ни к кому из них. Потому что не собираюсь тут оставаться.

Весь этот опыт преподнес мне очень ценный урок: не стоит привыкать к хорошему, потому что никогда не знаешь, когда кому-то надоест забавляться с тобой и он бросит тебя на съедение волкам. Это лишь вопрос времени, когда Себастиан сделает это. Он утверждает, что не поступит так, но в этом новом для меня мире без мамы я не доверяю никому и ничему.

Хайди, которая ненамного старше меня, одета в черные брюки и рубашку на пуговицах. Я едва успеваю моргнуть, как она оставляет поднос на краю кровати и, не говоря ни слова, выбегает за дверь.

Что-то скребет в груди: возможно, чувство вины за то, что я не могу быть более милой, доброй и хотя бы благодарной за заботу. Мама не так меня воспитывала, но Дрю и ее потеря уничтожили все остатки великодушия, которые у меня были. В большинство дней я нахожусь в оцепенении, не обращая внимания ни на окружающую обстановку, ни на собственные

мысли. Иногда я позволяю себе что-то почувствовать, но это всегда заканчивается плохо.

– Спасибо, – шепчу я в пустой комнате.

Я беру с подноса бутылку вина, возвращаюсь на свое место, уютно устроившись среди подушек, и подношу горлышко к губам.

Опрокидываю голову назад и делаю большой глоток игристого вина.

Иногда оно помогает, но чаще всего нет. Вот только, что еще я могу поделаться? В моей жизни не осталось ничего, за что стоило бы держаться. Реальность гораздо хуже, чем мои сны. Мой телефон издает сигнал, я выхватываю его из-под одеяла и, нахмурившись, смотрю на экран.

Это Дрю. Снова.

Я знаю, что должна заблокировать его. Он точно этого заслуживает. Вот только у меня не хватает духу. Я почти не отвечаю на его сообщения, а в те несколько раз, когда все-таки ответила, язвительно написала, чтобы он отвалил и оставил меня в покое. А еще один раз пообещала, что отправлю Себастиана разобраться с ним. Дрю почти мгновенно прислал мне эмодзи, закатывающего глаза. Не буду врать, это заставило меня улыбнуться. Но улыбка очень быстро померкла, стоило вспомнить, через какую боль он заставил меня пройти.

Тем памятным вечером Дрю ясно дал понять, что не хочет иметь со мной ничего общего. Я тянусь рукой к затылку

и ощупываю чувствительную кожу головы. Мне еще даже не сняли швы, а он полагает, что может написать мне сообщение, и я прибегу к нему?

Иди к черту, Дрю.

Раскаленная добела злость быстро сменяется опустошением, и я активирую экран, чтобы ответить ему и велеть отвалить всеми известными мне способами. Мои пальцы быстро перемещаются по клавиатуре, пока я набираю длинный ответ, выплескивая свои эмоции. Сердце стучит, ударяясь о грудную клетку, словно пытаюсь вырваться из моего тела.

Я уже собираюсь нажать «отправить», когда внезапно раздается стук в дверь. Я не успеваю открыть рот, чтобы ответить, как входит Себастиан.

Прошу прощения?

Кладу телефон на кровать, чтобы он не увидел экран, и хмуро смотрю на него.

– Как правило, если люди стучат, то ждут разрешения войти.

Себастиан ничего не отвечает, усаживаясь на край кровати рядом с едой и не отрывая взгляда от подноса.

– Я распоряджусь, чтобы персонал перестал подавать тебе вино вместе с ужином, потому что ты только и делаешь, что пьешь его, не притрагиваясь к еде.

Опустившись обратно на подушки, я прижимаю к себе бутылку вина.

– Чего ты от меня хочешь? Я не голодна.

Он хватает кусок курицы с тарелки, отправляет его в рот и снова устремляет на меня свой взгляд.

– Не хотелось бы говорить, но ты в чертовски дерьмовом состоянии. За этот месяц ты похудела килограммов на пять, притом что тебе вообще не стоило худеть. Кроме того, мне страшно представить, когда ты в последний раз принимала душ, да и причесаться тебе бы не мешало.

Я подношу бутылку с вином к губам, запрокидываю голову и вновь делаю большой глоток, не отводя от него взгляда. После вытираю рот тыльной стороной ладони и говорю:

– Мой вес тебя совершенно не касается. Равно как и моя личная гигиена. Тебе вот не помешали бы хорошие манеры, раз уж мы указываем друг другу на недостатки.

Себастиан скользит по мне взглядом и снова ковыряется в еде на моем подносе.

У него что, нет своей?

Нелепо злиться на него за то, что он угощается едой, которую я сама не собираюсь есть, но меня все равно ужасно раздражает, что Себастиан так непринужденно сидит рядом со мной, ест и делает вид, будто все замечательно.

Он вдруг замечает мой телефон, и его взгляд вспыхивает от гнева:

– Ты снова общаешься с ним?

Все происходящее вызывает ужасную неловкость: настойчивое желание Себастиана задавать вопросы, чтобы узнать меня получше, и эти его попытки выстроить доверительные

отношения. Я не понимаю, зачем он вообще так старается. Мы оба прекрасно знаем, что на самом деле ему глубоко на меня наплевать. Он делает все это не потому, что ему не все равно. Такие люди, как он, ничего не делают просто так, и уж точно не делают чего-либо просто потому, что им не все равно. Себастиан может отрицать это сколько угодно, но в моих глазах его намерения всегда будут иметь какой-то скрытый подтекст.

Я машу перед его лицом телефоном, экран которого, к счастью, не активирован.

– Это тоже не твое дело.

Его взгляд становится жестким, и я сопротивляюсь желанию вздрогнуть. Стоит показать свой страх, и ты побежден.

– Не хотелось бы разбивать твои иллюзии, сестренка, но все, что касается тебя – мое дело. Я не собираюсь тебя контролировать. Просто помни, что его мотивы могут быть не такими, как кажутся. Похоже, им двигало лишь желание добиться тебя, а теперь, когда ты стала недостижимой, он бесится и устраивает истерики, словно маленький ребенок.

– Во-первых, больше никогда не называй меня «сестренкой». Во-вторых, я не хочу говорить о нем. Мне известно, что я ничего для него не значу. У меня даже имеется шрам, который я вижу всякий раз, когда смотрю в зеркало – в качестве чертова напоминания. Так что оставь себе свои дерьмовые нотации.

Себастиан ухмыляется и отправляет в рот кусочек брок-

коли.

– Прекрасно. Я рад, что ты выкинула его из головы. Но учти: если Дрю появится здесь, я прикончу его. Если не хочешь увидеть его кровь на мраморном полу, лучше не приглашай сюда.

Я собираюсь снова отпить вина, но Себастиан выхватывает бутылку из моих рук и подносит ее к губам, сделав большой глоток. Все мои мысли заняты его предупреждением. Неужели он действительно готов убить лучшего друга, чтобы защитить меня?

– Эй! – огрызаюсь я. – Вообще-то, это мой ужин.

Он смотрит на меня поверх бутылки, прихлебывая из нее. А когда, наконец, отрывается от горлышка, то она оказывается наполовину пустой.

– Придурок, – бормочу я, выхватив бутылку обратно.

Я знаю, что не смогла бы забрать ее, если бы он не отдал. Делаю огромный глоток, но вино попадает не в то горло. Я начинаю кашлять, и оно выплескивается изо рта, стекая по подбородку.

– Вау. Ты сама грациозность.

– Отвали, – бормочу я, вытирая губы и невольно улыбаясь.

Взгляд Себастиана светлеет, и в нем появляется маленький проблеск надежды.

Мы с ним препираемся почти каждый день с того самого момента, как я переехала сюда. Не могу понять почему,

но это кажется... правильным... нормальным. Разумеется, мы пока еще узнаем друг друга и чувствуем себя чертовски неловко, но с каждым днем это ощущение понемногу рассеивается. Я начинаю понимать его по-настоящему, и это пугает меня, потому что подразумевает то, что он тоже начинает понимать меня. Полагаю, так и должно происходить между братом и сестрой? А еще, пожалуй, в те несколько минут, когда он находится рядом со мной, я не чувствую того невыносимого одиночества, которое одолевает меня с тех пор, как я все потеряла.

Эта мысль вновь вызывает во мне напряжение. Я подтягиваю колени к груди и зажимаю бутылку между бедер.

– Тебе что-то понадобилось или ты просто зашел убедиться, что я еще жива?

Он пожимает плечами, берет круассан с моего подноса и пересаживается в кресло рядом с кроватью.

– Я просто выполняю свой братский долг. Ну, знаешь, убеждаюсь, что ты не повесилась на душевой штанге и раздражаю тебя. Обычные братские заморочки.

Я усмехаюсь.

– В этом доме нет никаких душевых штанг. Все сделано из нержавеющей стали, керамики и мрамора. Здесь наверняка даже не было такой простой вещи, как занавеска для душа.

Себастиан хмыкает:

– И то верно.

Он протягивает руку за бутылкой, и я медленно и с неохотой

той отдаю ему.

– Не пей все.

– Если даже и выпью, то просто попрошу принести тебе еще одну бутылку.

Мы сидим в молчании, которое на удивление не кажется таким уж тягостным.

В какой-то момент он встает, пересекает комнату и щелкает выключателем, чтобы зажечь камин. Тот мгновенно оживает, вспыхивая огнем, а Себастиан снова садится.

– Только не говори, что тебе все это не нравится.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза.

– Ты имеешь в виду, как может человек, у которого никогда ничего не было, не ценить то, что теперь у него есть все?

– Я не это имел в виду.

Фыркаю и забираю у него бутылку, чтобы отпить еще.

– Он снова написал мне.

Тишина в комнате внезапно становится более напряженной на фоне потрескивающего огня.

Тон Себастиана меняется, когда он спрашивает меня:

– И ты ответила ему?

Я смотрю на свои ноги и облупившийся лак на ногтях, который не удосужилась обновить за последний месяц.

– Нет. Точнее, не в том смысле, какой ты подразумеваешь. Я не поощряла его, если речь об этом. Когда я отвечаю, а это случается очень редко, то лишь велю ему оставить меня в покое.

В глазах Себастиана вспыхивает гнев.

– Почему ты не заблокировала его? – бурчит он. – Я должен был сделать это сам. И вообще, лучше отдай мне свой телефон. Я куплю тебе новый, с другим номером, и лично прослежу, чтобы Дрю не узнал его.

Во мне вспыхивает паника, и я хватаю телефон с кровати, сжимая в руке вместе с бутылкой вина.

– Нет. Мне не нужен новый. Я хочу оставить этот.

Мысль о том, что я могу лишиться фотографий и голосовых сообщений от мамы, приводит меня в ужас. Это все, что у меня осталось: единственные физические воспоминания о ней. Когда я думаю о том, что лишусь их, то чувствую себя так, будто потеряю ее снова.

Должно быть, страх и тревога отразились на моем лице, потому что Себастиан согласно кивает.

– Расслабься, Бел. Я не стану забирать твой телефон. Забудь все то дерьмо, которое я наплел. Я просто хочу быть уверен, что с тобой все будет в порядке.

Я снова опускаюсь на подушки, испытывая облегчение.

– Ты прав, это дерьмо. В этом вопросе ты настоящий профи.

Себастиан вздыхает и смотрит на огонь.

– Знаю, это будет непросто, но тебе не стоит снова встречаться с Дрю. Он не подходит тебе, поверь тому, кто был его другом на протяжении многих лет. Горбатого могила исправит. Если он причинил тебе боль однажды, то непременно

сделает это снова.

– Думаешь, я этого не знаю? Я не настолько наивна, как все считают.

– Я вовсе не считаю тебя наивной. По-моему, ты просто хочешь, чтобы тебя любили и принимали такой, какая ты есть, а это, к несчастью, может сделать тебя легкой мишенью для непорядочных людей. Дрю не из тех парней, которых можно привести к маме и папе для знакомства.

«Что ж, у меня как раз нет ни того, ни другого», – почти произношу я, но прикусываю язык.

Дрю не идеален. Я бы даже не назвала его хорошим, но Себастиан понятия не имеет, что нас с ним связывало. Он и представить себе не может, насколько живой я чувствовала себя рядом с Дрю. Мне не по душе все то, что происходило между нами, я не считаю это нормальным, но все, что было – нечто особенное, и это трудно просто перечеркнуть и забыть. Если, конечно, ты не законченный социопат.

Мы сидим в тишине, и на одно мимолетное мгновение я жалею, что рядом со мной нет Джеки... Впрочем, нет, не ее. Кого-то, с кем можно было бы поговорить по душам. Мое сердце разрывается от потери нашей дружбы, утраты мамы и Дрю. Боль пронизывает меня насквозь, оставляя после себя кровоточащие раны.

Я поднимаю взгляд к потолку, чтобы не расплакаться, и отпиваю еще немного вина.

– Чего бы ты хотела, Бел?

Тот факт, что Себастиан использует краткую форму моего имени, должен вызывать раздражение, но в действительности приятен.

Тяжело сглотнув, я снова смотрю на него, а он не отрывает от меня взгляд зеленых глаз.

– Я хочу, чтобы боль прошла и перестала доставлять столько страданий. Хочу избавиться от постоянных воспоминаний обо всем, что я потеряла.

– Так будет не всегда. В конце концов, твое горе утихнет, и каждый день будет причинять чуть меньше боли, чем предыдущий.

– Откуда тебе знать? – с досадой говорю я и жалею о сказанном, как только эти слова срываются с моих губ.

Кто точно не заслуживает моей желчности, так это Себастиан. Он добр ко мне, терпелив, тактичен, и оказался гораздо более заботливым, чем я ожидала, несмотря на то что тоже пережил потерю. Его ситуация едва ли не хуже, чем моя собственная. У меня хотя бы есть воспоминания о времени, проведенном с нашей мамой. А у него их нет.

Себастиан встает и запускает руки в карманы. Готова поклясться, в его взгляде промелькнуло разочарование.

– Я пришлю еще вина, но только при условии, что ты съешь весь ужин.

Я открываю рот, чтобы извиниться и уверить, что не хотела быть такой резкой, но слова застревают в горле. Сомневаюсь, что ему это нужно. Себастиан исчезает за дверью, ти-

хо закрыв ее за собой и оставив меня наедине с моими мыслями.

Я знаю, что веду себя как стерва, но делаю это, даже не задумываясь о своем поведении. К сожалению, именно так проявляет себя выработавшийся у меня посттравматический синдром, направленный на самозащиту. Будет лучше, если я оттолкну его и буду держать на расстоянии. По крайней мере, когда что-нибудь случится, и он неизбежно уйдет из моей жизни, мне будет не так больно, как если бы я впустила его в свою душу. Потому что мысль о том, что я потеряю единственного родного человека, который у меня остался, причиняет мне боль, даже несмотря на то, что я почти ничего не знаю о нем.

Мой телефон снова подает сигнал, но я отказываюсь смотреть на него и делаю большой глоток вина.

– Пошел ты, Дрю, – шепчу я.

А после резко выдыхаю и откидываюсь на подушки. Моя еда остыла, а вино почти закончилось. Мне нужно что-то съесть, и не потому, что Себастиан велел мне сделать это, а потому, что я хочу еще вина.

С тяжелым вздохом я приподнимаюсь и на коленях подползаю к краю кровати, чтобы поесть. Курица с овощами... Еда, полная питательных веществ и витаминов. Этот ужин – абсолютная противоположность моим недавним попыткам сэкономить на еде, когда я, самостоятельно делая покупки, искала что-нибудь сытное и недорогое. Он разительно отли-

чается от привычных мне бутербродов с арахисовым маслом. Я отправляю в рот несколько кусочков еды, и меня поражает насыщенный пряный вкус курицы и овощей.

Разумеется, все очень вкусно. Полагаю, Себастиан стремится обеспечить нам все самое лучшее.

Съев еще один кусочек, я размышляю о том, что он так ничего и не рассказал мне о нашей семье. К примеру, о том, как они заработали миллионы? И что это означает для меня в перспективе? Каким окажется мое будущее в качестве члена этой семьи? Насколько я знаю, мой брат взвалил все на свои плечи. И даже если может показаться, что Себастиан спотыкается под этим грузом, он совсем не жалуется и не демонстрирует ни капли слабости.

Он гораздо сильнее меня. Быть может, это связано с особенностями его воспитания? Мне еще многое предстоит узнать о нем и о том, что представляет собой наш род. Грустно думать о том, сколько времени потеряно зря и сколько совместных воспоминаний мы с ним упустили.

Сигнал телефона отвлекает меня от размышлений, и я смотрю на экран прежде, чем успеваю подумать об этом.

Перед глазами появляется новое сообщение от Дрю:

Псих:

У тебя есть неделя, цветочек. Одна неделя, чтобы вернуться ко мне, или я сам приду за тобой, готова ты к этому или нет.

Я опускаю телефон на кровать и напряженно смотрю впе-

ред. Лгал ли Себастиан, когда говорил, что убьет Дрю? Я не уверена, что готова рискнуть. Хотя я и злюсь на Дрю и отчасти хочу прирезать его, меньше всего мне хотелось бы, чтобы он умер. Но он должен понять, что больше не контролирует ситуацию. Теперь это делаю я и больше не собираюсь подчиняться ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.